

И. Н. Сорова, Ю. С. Лукина

Особенности употребления числительных в тюркских эпосах (на примере якутского *олонхо*, башкирского *кубаир*, алтайского *кай черчек*)

СВФУ имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В современной филологии большое значение имеет изучение самобытного языка фольклора, особенно языка эпических текстов. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом в тюркологии к проведению специальных исследований, направленных на лингвофольклористическое изучение языка фольклора, и первые работы наших языковедов свидетельствуют о перспективности таких исследований. Фольклор, как спонтанно развивавшаяся устная бытовая культура, демонстрирует коренные закономерности и свойства этнического языка. Так на современном этапе развития тюркского языкознания имеются значительные исследования в этой области, но, несмотря на это, одной из актуальных задач является изучение имен числительных в устных народных творчествах. Особую роль числа имеют в эпических текстах, где они получают статус сакральных, которое проливает свет на генезис героических эпосов. Цель работы заключается в исследовании структурно-семантических особенностей имен числительных в тюркских эпосах. Материалом исследования являются тексты якутского *олонхо* «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө», башкирского *кубаир* «Урал-батыр», алтайского *кай черчэк* «Маадай-Кара». Для достижения поставленной цели используются метод сплошной выборки, описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстный, статистический и диахронический методы, а также применяется прием количественного подсчета. Научная новизна работы заключается в том, что эпические числительные описываются как лингвофольклористический феномен в сравнительно-сопоставительном аспекте. В ней выявляются и определяются их объем использования в эпосе, сакральное значение этих числительных, а также сравниваются их сходные и отличительные черты в символическом плане.

Ключевые слова: числительные, структура и семантика числительных, семантические группы числительных, тюркский эпос, *олонхо*, *кубаир*, *кай черчек*, лингвофольклористика.

I. N. Sorova, Ju. S. Lukina

Features of the use of numerals in Turkic epics: the case of Yakut *olonkho*, Bashkir *kubair*, and Altai *kai cherchek*

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. In modern philology, the study of the original language of folklore, especially the language of epic texts, is of great importance. The relevance of the research topic is due to the growing interest in Turkology in conducting special studies aimed at the linguo-folkloristic study of the language of folklore, and the first works of our linguists testify to the prospects of such studies. Folklore, as a spontaneously

СОРОВА Ирина Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: isorova@mail.ru

SOROVA Irina Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

ЛУКИНА Юлия Сергеевна – магистрант кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

LUKINA Julija Sergeevna – Master's student, Yakut Language Department, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

developing oral everyday culture, demonstrates the fundamental patterns and properties of the ethnic language. So, at the present stage of development of Turkic linguistics, there are significant studies in this area, but, despite this, one of the urgent tasks is the study of numerals in oral folk arts. Numbers have a special role in epic texts, where they receive the sacred status, which sheds light on the genesis of heroic epics. The purpose of the work is to study the structural and semantic features of numerals in Turkic epics. The material of the study is the texts of the Yakut olonkho “Buduruibet Muldyu Bege”, the Bashkir kubair “Ural-Batyr”, the Altai kai cherchek “Maadai-Kara”. The method of continuous sampling, descriptive, comparative, contextual, statistical and diachronic methods were used to achieve the goal. Also, we used the method of quantitative calculation. The scholarly novelty of the work lies in the fact that the epic numerals are described as a linguo-folklore phenomenon in a comparative aspect. It identifies and defines their scope of use in the epic, the sacred meaning of these numerals, and also compares their similar and distinctive features in a symbolic sense.

Keywords: numerals, structure and semantics of numerals, semantic groups of numerals, Turkic epos, olonkho, kubair, kai cherchek, linguo-folkloristics.

Введение

Язык устного народного творчества до сих пор остается одним из наименее изученных аспектов тюркского фольклора, наиболее востребованным становится глубокое и всестороннее изучение свойств слова в эпосе, его совместимости, художественных и визуальных способностей. Из выразительных языковых средств народной поэтики особенно важны числительные, образующие обширный пласт фольклорной лексики. В эпосе они нашли самое широкое и живое применение. Следует отметить, что количество конкретных трудов о месте и роли чисел в фольклоре разных народов незначительно.

Систематическое изучение эпоса и фольклора тюркоязычных народов началось в XIX веке. В 1860-е годы востоковед-тюрколог В.В. Радлов, работая в Барнауле, совершил несколько экспедиций к живущим в Сибири тюркским народам (алтайцам, телеутам, шорцам, кумандинцам, тувинцам, казахам, киргизам, абаканским татарам (хакасам), западносибирским татарам). С 1866 года он начал публиковать результаты своих исследований. В этом году вышел первый том его знаменитой работы «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». Этот сборник содержит записи эпических песен, сказок и других фольклорных жанров казахов, уйгуров, кыргызов из Восточного Туркестана и тюрков из Южной Сибири. В 1896 году В.В. Радлов опубликовал седьмой том своей работы «Образцы», посвященный тюркским языкам Крыма, а затем появился ряд других томов, составленных его сотрудниками и учениками на материале языков и диалектов других тюркских народов [1].

В середине XIX в. начался сбор фольклора малых тюркских жителей юга Сибири, точнее таких народностей как: тобольские татары, алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы и якуты. Выдающийся собиратель русского фольклора И.А. Худяков, находившийся в ссылке в Якутии в 1866–1874 годах, в своей работе «Записки Географического общества», опубликовал сборник якутских героических рассказов в русском переводе [2].

В тюркологии вопросы изучения языка произведений определенных жанров устного народного и поэтического творчества успешно решались в работах В.В. Радлова, И.Н. Бerezина, П.М. Мелиоранского и других востоковедов.

Проанализировав пратюркские числительные, исследователи отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН под руководством Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо реконструировали картину духовной и материальной жизни пратюрков. Ученые отмечают, что тюркские языки, подобно многим другим языкам различных семей, в процессе длительного развития выработали универсалию в области чисел, уходящую от основной счетной функции и придающую определенным числам дополнительные символические, ритуальные значения.

В 1970-е годы лингвист М.В. Зайнуллин, изучая формы глаголов и способы выражения выразительности и эмоций на языке башкиров, обратился к текстам народных сказок [3, 4]. Он анализировал отдельные лексические и синтаксические средства языка народной прозы и делает вывод о том, что словесная композиция произведений устного народного творчества башкир требует многостороннего изучения. Эта идея ученого была впоследствии реализована в многочисленных курсовых, дипломных и диссертационных исследованиях его учеников.

В монографии Ф.Б. Саньярова «Особенности языка и стиля эпоса «Урал-батыр»» исследуется лексико-стилистическое богатство эпоса и описывается использование морфологических категорий и средств образности языка в его словесной структуре [5]. Монография Г.Г. Кульсарина и М.В. Зайнуллина «Языковая картина мира в башкирских загадках» была посвящена анализу словесного материала башкирских народных сказок, в котором выявлены лексические, синтаксические и стилистические особенности народной прозы и определено традиционное формульное речепотребление в художественной структуре [6]. В монографии И.Г. Галаяудинова «Два века башкирского литературного языка» содержится специальная глава, посвященная языку народного творчества [7: 172].

Первой в башкирской фольклористике диссертацией, посвященной текстологическим аспектам эпоса «Урал-батыр» является работа Ш.Р. Шакуровой «Текстология башкирского эпоса «Урал-батыр»: Проблема базового научного текста» [8].

Особый вклад в развитие лингвофольклористики в башкирском языкознании внесла языковед Г.Х. Бухарова. В своей диссертации «Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ» она анализирует знаменитый эпос башкирского народа как дискурс народной речи в рамках интегративного подхода. Эта работа посвящена изучению башкирского народного эпоса «Урал-батыр» как фольклорного дискурса [9].

Лингвокультурологическому исследованию песенного наследия башкирского народа впервые обратилась в своей диссертации филолог Р.М. Хисамутдинова. Она в своей работе осуществила лингвокультурологический анализ башкирских народных песен с точки зрения закономерностей отражения этнокультурных реалий в языковых единицах, прежде всего образно-выразительных: метафорах, сравнениях, эпитетах и т.д. [10].

В башкирской лингвистике изучение лексических единиц, составление языковой картины мира, основанной на этнографическом, фольклорном, мифологическом материале, находятся на начальном этапе. Ученые обратили внимание на символические значения чисел в связи с изучением топонимов (Бухарова 2003, Камалов 1994, 1997, Усманова 1994, Хисамитдинова 1991, Шакуров 1986), антропонимов (Кусимова 1975, Раемгузина 2006), фразеологизмов (Раемгузина 1999), этнолингвистических значений слов (Хадыева 2005) [11].

В диссертации Р.Т. Муратовой рассматриваются сакральные числа башкирского языка, встречающиеся в поверьях, народной медицине, заговорах, родинном, свадебном, погребально-поминальном обрядах, эпосах, сказках, загадках, поговорках и т.д. Она выявила особенности использования сакральных чисел в языке, фольклоре и мифологии башкирского народа, выявила общекультурные и специфические значения в семантике чисел башкирского языка. Так, филолог Муратова пришла к выводу, что числовая символика играет важную роль в культуре башкир [11].

Особенности языка и стиля башкирских народных сказок исследовала в своей работе Г.Г. Кульсарина [12]. Она рассмотрела сакральные числа башкирского народа, которые активно используются на языке фольклора. Автор акцентирует внимание на анализе символических значений чисел, несущих этнокультурную семантику. На примере текстов на-

родного творчества дана классификация наиболее устойчивых числовых атрибутов в языке фольклора в соответствии с их функциями в тексте.

На материале имен числительных, отношению башкирского языка к древнетюркским и старотюркским памятникам письменности изучила Г.Д. Ибрагимова [13].

Впервые алтайский фольклор собрал и исследовал тюрколог В.В. Радлов. По этой теме он написал статью «Мифология и мирозерцание жителей Алтая». Публикациям В.В. Радлова до серии «Алтай баатырлар», основанным С.С. Суразаковым, история сбора и публикации алтайского героического эпоса с середины XIX в. по 1980-е годы, а также разработке и внедрению новых современных возможностей и подходов к их применению в издании сказаний «Очи-Бала» и «Кан-Алтын» в академической двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» посвящены работы З.С. Казагачевой «Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын»: Аспекты текстологии и перевода» [14]. По теме определения поэтики и прагматики алтайских пословиц и поговорок обратилась филолог Н.Д. Ойоткинова в своей диссертационной работе «Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров» [15].

В якутской лингвистике изучение языка фольклора является новой областью лингвистических исследований. В 1989 г. П.А. Слепцов впервые представил наиболее важные актуальные проблемы лингвофольклористики как нового направления лингвистических исследований, находящегося на стыке смежных наук. В статье «Язык олонхо: лексика, семантика» исследователь дает общую лексико-семантическую характеристику языка олонхо, а также интерпретацию так называемых «темных мест» языка фольклора [16, 17]. В монографии «Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм» есть отдельная глава, посвященная языку фольклора, в которой автор приходит к выводу, что «язык якутского фольклора в начальный период становления современного литературного языка и его норм выступал в качестве истока, по мере дальнейшего развития норм литературного языка язык фольклора превращается в источник обогащения» [18].

В работе Л.Л. Габышевой выявляется система семантических противопоставлений в олонхо и классификация числительных внутри пространственно-временного цветового континуума, связанного с мифологическими представлениями древних якутов [19]. Кроме того, она исследовала специальные мнемонические программы фольклорных текстов и сюжетов, мифологических классификаций и других информационных структур устной коллективной памяти на материале якутского фольклора [20]. Основываясь на материале якутского эпоса «Кулун Кулустуур», шумеро-аккадского эпоса о Гильгамеше и русских былин, А.В. Кудияровым были рассмотрены эпические универсалия-хронотопы, т.е. особая категория поэтического стиля, охватывающая способы и средства выражения пространственно-временных взаимоотношений в их единстве [21].

Н.А. Аханянова в статье «Поэтический синтаксис олонхо и характер эпической эпитеции» определяет функции выявления сочетаний и их место в художественной структуре устных произведений [22].

Лингвофольклорист Л.В. Роббек считает ритмико-синтаксический параллелизм одним из основных элементов структурной основы художественно-изобразительных средств якутского эпоса. На основе анализа текста олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина ученый выделяет основные функции параллелизма. Во-первых, ритмико-синтаксический параллелизм в якутском эпосе, по ее мнению, – это художественно-изобразительный прием, способ ритмико-синтаксического сочетания единиц поэтического языка олонхо; во-вторых, функция параллелизма также проявляется на уровне словарного запаса, то есть почти каждое слово, входящее в его состав, приобретает особую коннотационную семантику [23].

Собственные имена персонажей якутского олонхо были предметом изучения Н.И. Филипповой. Автор в своей работе делает выводы, что собственные имена персонажей олонхо представляют собой выработанную и отточенную веками эпическую формулу, которая подчиняется внутренним законам поэтики и стиля олонхо. Собственные имена персонажей олонхо обладают сложной, многосоставной структурой, также, многие слова, входящие в состав имени, несут в себе дополнительные подтекстовые значения или сакральные функции [24].

А.Г.В. Попов в своей статье исследовал этимологию некоторых имен богов и ключевых слов якутской мифологии, что в полной мере отражается в олонхо [25].

К структурным особенностям синтаксических конструкций, функционирующих в роли ритмико-синтаксического параллелизма в якутском олонхо в сравнении с аналогичными конструкциями в алтайском, хакасском и бурятском эпосах обратился в своей диссертационной работе Ю.П. Борисов [26]. Он выявил и описал ритмико-синтаксический параллелизм, реализованный в системе эпоса олонхо, а также сравнил его с параллелизмом алтайского, хакасского и бурятского эпосов, определил его структурно-функциональную и семантическую особенности.

Комплексное исследование лингвистической системы числительных в якутском олонхо, их структуру и семантику, исследовала филолог Е.И. Избекова [27]. Монография Е.И. Избековой «Числительные в олонхо: структура и семантика» посвящена комплексному исследованию лингвистической системы числительных в олонхо – их структуры и семантики. В работе в определенной мере углубляется понятие эпического языка, уточняется сущность эпических числительных.

Таким образом, в области структуры и семантики числительных в лингвофольклористике тюркского языкознания, имеются достаточно много работ, отражающих данную проблему. Однако, исследование числительных якутского олонхо, башкирского кубаир и алтайского кай черчек в сравнительно-сопоставительном плане еще не проводилось, что и призвана восполнять данная статья.

Особенности употребления числительных в якутском олонхо, башкирском кубаир, алтайском кай черчек

Сравнение частоты и природы употребления числительных в якутском олонхо «Бүдүрүбэт Мүлдү Бөбө», башкирском кубаир «Урал-батыр», алтайском кай черчек «Маадай-Кара» по лексико-тематическим группам выявляет особенности употребления числительных в данных тюркских эпосах.

Так, по объему эпического текста плотность применения числительных по тематическим группам в якутском эпосе выше, чем в башкирском и алтайском эпосах. Значимые количественные показатели использования числительных в текстах представлены в виде таблицы, которая также содержит результаты вышеуказанного исследования.

Числительное	В олонхо «Бүдүрүбэт Мүлдү Бөбө»	В кубаир «Урал-батыр»	В кай черчек «Маадай-Кара»
Количественные	1289	220	993
Порядковые	17	6	9
Приблизительные	3	-	7
Разделительные	13	1	-
Собирательные	7	14	15
Дробные	8	-	-
Числительные в роли прилагательного	43	-	-

1. *Природный мир.* Природный мир в тюркских эпосах мы разделили на две подгруппы, то есть, во-первых – небесная сфера, земной пейзаж и водная среда; во-вторых – флора и фауна.

Так, существительные, обозначающие небесную сферу, земной пейзаж и водную среду, в якутском олонхо «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» наиболее часто сочетаются с числительными *үс* ‘три’, *сэттэ* ‘семь’, *абыс* ‘восемь’, *тобус* ‘девять’; в башкирском кубаир «Урал-батыр» с числительными – *бер* ‘один’, *өс* ‘три’, *дүрт* ‘четыре’, *биш* ‘пять’, *ете* ‘семь’ и *етмеш* ‘семьдесят’; в алтайском кай черчек «Маадай-Кара» – *эки* ‘два’, *jeti* ‘семь’, *тогус* ‘девять’, *алтан* ‘шестьдесят’, *жетен* ‘семьдесят’ и *тогзон* ‘девяносто’.

В якутском и алтайском эпосах при описании эпического неба используются числительные три и девять, например, в якутском олонхо используются выражения *үс халлаан* ‘три неба’, *тобус халлаан* ‘девять небес’, *тобус хаттыгастаах* ‘девятаярусное’, а в алтайском кай черчек словосочетания *јүч тенгери* ‘три неба’, *тогус кырлу* ‘девятигранный’. Эти числительные в якутской и алтайской мифологии являются сакральными символами. А в башкирском кубаир описание эпического неба выражается иначе, а точнее используется числительное *ете* ‘семь’, это числительное показывает башкирские космологические представления о пространственном устройстве мира. Башкиры считают, что Земля и небо состоят из семи слоев. Небесное мифологическое пространство, где живут ангелы, высшие силы, обозначаются выражением *ете кат күк* ‘семислойное небо’.

Для описывания Среднего мира в якутском и алтайском эпосах с существительными функционируют такие числительные как семь и девять, например: в якутском олонхо *сэттэ сир* ‘семь земель’, *тобус сир* ‘девять земель’; в башкирском кубаир *jeti jer* ‘семь земель’, *тогус jer* ‘девять земель’. Эти словосочетания в обоих эпосах не соотносятся с реальными математическими значениями, а показывают определенное множество. А в башкирском кубаир для обозначения сторон, углов или всего света используется числительное четыре, например: *дүрт яктан* ‘с четырех сторон’, т.е. со всех сторон и т.д.

Также эта же конструкция встречается при описании моря, где числительное четыре обозначает множественность: *дүрт диңгез* ‘четыре моря’, *дүрт йылга* ‘четыре реки’, т.е. имеется ввиду вся вода мира. Это обусловлено тем, что башкиры представляли Землю, как сушу, окруженную с четырех сторон водой (морем), а точнее четырехугольной. Как пишут исследователи, в эпосе «Урал-батыр» находит отражение представление башкир о воде как о стихии первозданного хаоса. Так и в якутском эпосе «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» водная среда эпического мира, как и в алтайском, описывается при помощи числительного четыре: *түөрт түллэр байбал* ‘четыре обладающих мощной силой океанов’, *түөрт түллэр муора* ‘четыре обладающие мощной силой моря’ и т.д. Характерной особенностью употребления этих существительных является то, что водная среда чаще всего является местом проверки стойкости героев, местом сражения. Может быть, поэтому определение-эпитет имеет зловещий оттенок.

Лексемы, обозначающие флору и фауну, в якутском олонхо чаще функционируют с числительными *икки* ‘два’, *алта* ‘шесть’, *абыс* ‘восемь’, *тобус* ‘девять’, *сэттэ уон* ‘семьдесят’, *абыс уон* ‘восемьдесят’, *тобус уон* ‘девяносто’; в башкирском кубаир – *ике* ‘два’, *өс* ‘три’, *алты* ‘шесть’, *ете* ‘семь’, *тугуз* ‘девять’, *унбер* ‘одиннадцать’, *ун ике* ‘двенадцать’: в алтайском кай черчек – *бир* ‘один’, *эки* ‘два’, *јүч* ‘три’, *төрт* ‘четыре’, *беш* ‘пять’, *алты* ‘шесть’, *jeti* ‘семь’, *тогус* ‘девять’, *он бер* ‘одиннадцать’, *он эки* ‘двенадцать’, *төртдөн* ‘сорок’, *бежсен* ‘пятьдесят’, *алтан* ‘шестьдесят’, *жетен* ‘семьдесят’, *жетен эки* ‘семьдесят два’, *тогзон* ‘девяносто’, *јүс* ‘сто’.

При описании мифического растения в якутском и алтайском эпосах использование числительных отличаются, а точнее в олонхо применяется числительное восемь, в кай

черчек – три. Так, в алтайском эпосе присутствует мифическое растение, в названии которого участвует числительное – это священное вечноживое дерево, созданное божеством Юч-Курбустаном (*Ўч-Курбустан*). Это дерево олицетворяет размеры и богатство природы Алтая. Вечный трехколенный тополь *Ўч-Курбустан* – благодетель народа, в его тени отдыхают прекрасные птицы и звери. А в якутском олонхо священное дерево Аал Луук Мас, растущий в Среднем мире, где гнездится дух-хозяйка земли, присутствует определительная конструкция, обязательным элементом которого является числительное восемь: *абыс салаалаах* ‘восьмиветвистое’. В башкирском кубаир такое характерное явление не наблюдается.

Чтобы показать нереальное количество эпических животных, в алтайском эпосе с лексемами, обозначающих фауну, чаще всего сочетают с числительным *јүс* ‘сто’, например: *јүс байталым* ‘сто кобылиц’, *јүс буура* ‘сто верблюдов’, *јүс бука* ‘сто быков’, *јүс ирик* ‘сто барашек’, *јүс ат* ‘сто лошадей’ и т.д., а вот в якутском олонхо такое понятие множественности в отношении мифических животных используется числительное *тобус уон икки* ‘девяносто два’: *тобус уон икки көтөр кыыл* ‘девяносто два летающих животных’ и т.д.

А вот при описании множественности конечностей мифических животных в кай черчек и в кубаир использование числительных отличаются, например, в алтайском эпосе фауна имеет множество голов, копыт, зубов, ушей и сопровождается это числом четыре: *төрт кулактү*, *төрт туйгакту бука* ‘четыреухастый, четырехкопытый бык’; *төрт баш азулу ылан* ‘четыреголовая змея’, *төрт азулу төндөн буура* ‘четырехклыкастый верблюд’ и т.д. А в башкирском кубаир в определении количества голов некоторых мифических существ используются числительные *тугуз* ‘девять’ и *ун ике* ‘двенадцать’: *тугуз бышылы дейеу* ‘девятиглавый див’, *тугуз бышылы йылан* ‘девятиглавая змея’, *ун ике бышылы йылан* ‘двенадцатиглавая змея’ и т.д. Число *ун ике* ‘двенадцать’ в башкирской мифологии означает священную роль, а именно, что это сакральное число связано с двенадцатью небесными богами (*тәңрә*), например: *ун бер/ун ике башы менән йылан* ‘змея с девятью/одинадцатью головами’, *диво ете ебәреу* ‘отправил семь див’ – при описании этих объектов одним из ярких выразительных средств являются числительные, основная функция которых – усилить грозный образ. В якутском олонхо такое характерное явление не наблюдается.

2. *Обитатели Нижнего, Среднего, Верхнего миров.* В тюркских эпосах числительные активно используются для характеристики эпических персонажей Верхнего, Среднего и Нижнего миров. В наших трех эпосах чаще всего числительные взаимодействуют с существительными, обозначающих людей, то есть персонажей Среднего мира.

Так, в олонхо «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» по нашим наблюдениям наиболее часто используются числительные *үс* ‘три’, *алта* ‘шесть’, *абыс* ‘восемь’ и *тобус* ‘девять’, в башкирском кубаир «Урал-батыр» – *бер* ‘один’, *ике* ‘два’, *өс* ‘три’, *дүрт* ‘четыре’, *биш* ‘пять’, *һигез* ‘восемь’ и *ун ике*, в алтайском кай черчек «Маадай-Кара» – *бир* ‘один’, *эки* ‘два’, *үч* ‘три’, *төрт* ‘четыре’, *алты* ‘шесть’, *јети* ‘семь’, *он* ‘десять’, *алтан* ‘шестьдесят’, *алтан эки* ‘шестьдесят два’, *јетен* ‘семьдесят’, *тогзон* ‘девяносто’.

В якутском олонхо числа при описании мужского и женского пола мифических персонажей используются числительные *абыс* ‘восемь’ и *тобус* ‘девять’, эти числительные в якутской мифологии являются носителями мужской (женской) генерирующей силы. В башкирском и алтайском эпосах такие характерные черты, показывающие начало мужской и женской энергии не обнаруживаются.

При описании персонажей Нижнего и Среднего миров, в якутском и башкирском эпосах функционируют с существительными аналогичные числительные. В якутском олонхо зафиксировано противостояние числительных *один* и *два*, которые в качестве эпитета опи-

сывают персонажей Нижнего и Среднего миров, а также в парные смысловые понятия человеческих конечностей: *биир киһи* 'один человек', *биир кыыс* 'одна девушка', *икки атаһ* 'две ноги' и т.д., так же и в башкирском кубаир – *бир кижи* 'один человек', *бир баатыр* 'один богатырь', *бир келин* 'одна невеста', *эки көскө* 'два глаза', *эки баатыр* 'два богатыря', *эки бала* 'два ребенка' и т.д. Еще в башкирском кубаир используется числительное *дүрт* «четыре», где это числительное символизирует четырех рабов из четырех сторон света.

При описании богатырей Среднего мира, в алтайском эпосе лексема *баатыр* 'богатырь' чаще всего сочетается с числительными второго порядка, например такими как *алтан* 'шестьдесят', *алтан эки* 'шестьдесят два', *жетен* 'семьдесят' и *тогзон* 'девяносто', а в якутском олонхо лексема *бухатыыр*, который тоже богатырь функционирует с числительным *тобус уон тобус* 'девяносто девять'. Эти эпитеты не имеют реальное количество, а имеют понятие множественности. В башкирском эпосе такое не наблюдается.

В якутском олонхо и алтайском кай черчек при описании персонажей Верхнего мира, божеств и их слуг, а также различных мифических существ, в основном используют традиционное числительное три, что подтверждает их удивительные качества, необычайные свойства. А также в якутском олонхо при характеристике добрых духов, сочетание существительного с числительными три, восемь и девять, имеет в виду не реальное количество, а обозначает понятие 'всех добрых духов'. В кубаир нами не были обнаружены лексемы, функционирующие с числительными, которые обозначают отдельных персонажей Верхнего мира.

3. *Эпическое время и пространство.* Следующей областью, где в тюркских эпосах при описании применяются числительные, является эпическое время и пространство.

Для характеристики эпического времени и пространства в якутском олонхо «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» часто используются числительные *үс* 'три', *сэттэ* 'семь', *абыс* восемь, *тобус* 'девять', *уон* 'десять', дробная десятка, *уон икки* 'двенадцать' и *уон үс* 'тринадцать'; в башкирском кубаир «Урал-батыр» числа *бер* 'один', *өс* 'три', *дүрт* 'четыре', *биш* 'пять', *ун* 'десять', *ун бер* 'одиннадцать', *ун ике* 'двенадцать' и *йөз* 'сто'; в алтайском кай черчек «Маадай-Кара» – *үч* 'три', *төрт* 'четыре', *алты* 'шесть', *jeti* 'семь', *тогус* 'девять', *алтан* 'шестьдесят', *жетен* 'семьдесят', *тогузон* 'девяносто'. В трех тюркских эпосах при описании эпического времени и пространства аналогично используется лишь числительное три, а остальные выборочно совпадают друг с другом.

Так, в якутском и башкирском эпосах при характеристике эпического времени отчетливо прослеживается заметное тяготение к числительному три: в башкирском – *өсөнсө тапкыр һөрөндө* 'в третий раз он споткнулся – здесь данное понятие символизирует целостность, совершенность. Оно указывает на время свершения предшествующих событий, а также последующих; в якутском – *үс үйэ* 'три века' – здесь понятие не имеет конкретного количественного воплощения, а играют роль специфического признака, условно обозначающего своеобразие происходящего. В алтайском эпосе к числительным девять и девяносто, например: *тогус jaııту* 'девять лет', *тогус жыл* 'девять лет', *тогзон кулаш* 'девяносто суток' и т.д.

Следует отметить, что в якутском устном народном творчестве выражение *үс үйэ* 'три века' служит постоянным эпитетом, обозначающим неопределенно длительное время.

В алтайском кай черчек чтобы показать обширность и безграничность земли Алтая, сказитель использует эпитет *jeti jer* 'семь земель', которое не включает конкретного количественного воплощения, а имеет в виду «всю землю» эпической страны, а в якутском олонхо большие расстояния измеряются *күннүк сир*, т.е. расстоянием днев-

ного перехода, определяется пространство (расстояние), с которого виден тот или иной эпический объект. Этот эпитет часто функционирует с числительным три: *ус куннук сир-тэн* – здесь характеризуется расстояние, при котором можно заметить, увидеть из далека что-либо. В башкирском эпосе при описании эпического пространства используется словосочетание *дүрт ягын* ‘четыре стороны’, который символизирует четыре стороны света, то есть, можно предположить, что башкиры представляли Землю, как сушу, окруженную с четырех сторон водой (морем), а точнее четырехугольной.

Как упоминалось выше, в кубаире жители Среднего мира делятся на *биш ил* ‘пять стран’. Как говорит главный герой эпоса Урал-батыр, в одной из этих стран он родился сам, а в двух из них он побывал, и есть у него цель побывать еще в двух других. В алтайском кай чечек делят мир на *јети ороон* ‘семь стран’, а в якутском эпосе делят на девять племен, рода (*биис ууһа*).

4. *Эпические объекты, мир вещей.* В тюркских эпосах, в этой подгруппе, числительные часто используются для того, чтобы показать масштабность и простор эпического жилища.

Так, в якутском олонхо с существительными, обозначающими эпические объекты и мир вещей, употребляются такие числительные, как: *икки* ‘два’, *ус* ‘три’, *түөрт* ‘четыре’, *сэттэ* ‘семь’, *тобус* ‘девять’, *түөрт уон* ‘сорок’, *тобус сүүс* ‘девятьсот’ и не редко – *биш* ‘один’, *алта* ‘шесть’; в алтайском кай черчек используются числительные – *бир* ‘один’, *эки* ‘два’, *төрт* ‘четыре’, *алты* ‘шесть’, *јети* ‘семь’, *он* ‘десять’, *одус* ‘тридцать’, *төртөн* ‘сорок’, *төртөн эки* ‘сорок два’, *алтан* ‘шестьдесят’, *алтан эки* ‘шестьдесят два’, *алтан сегис* ‘шестьдесят восемь’, *јетен* ‘семьдесят’, *сегзен тогус* ‘восемьдесят девять’, *јүс* ‘сто’. А в башкирском кубаир нами не были обнаружены числительные, функционирующие с лексемами, обозначающих эпические объекты и мир вещей.

В якутском и алтайском эпосах при описании эпического жилища, сказители очень часто прибегают к помощи десятичных числительных, чтобы эффектно показать великое множество и огромные размеры жилища богатыря, например: в якутском олонхо выражением *түөрт уон түннүктэрдээх эбит* ‘имеет сорок окон’ придали образу дополнительный мифический оттенок; в алтайском эпосе точно так же, чтобы эффектно показать огромные размеры жилища богатыря числительным второго порядка придали образу дополнительный мифический оттенок: *онын эжигин ача согуп* – дом богатыря имеет десять дверей.

Стоит отметить, что в якутском олонхо кроме числительного *түөрт уон* ‘сорок’, удештеренные варианты эпических числительных не наблюдаются, также, при описании эпического жилища, числительные подбираются с существительными на основе аллитерационно-ассонансного созвучия. А в алтайском кай черчек для описывания одежды и украшений эпических героев в основном используются лишь числительные второго порядка.

В алтайском эпосе при характеристике одежды эпического персонажа, количество пуговиц обычно описывают числительным второго порядка, например: *алтын* ‘шестьдесят’, *јетен эки* ‘семьдесят два’ и т.д. Числительным второго порядка придают образу дополнительный мифический оттенок.

А в якутском эпосе при изображении деталей эпического жилища используются лишь числительные первого порядка, например, автор описывает тяжесть двери с помощью числительных *икки* ‘два’, *ус* ‘три’, *түөрт* ‘четыре’, которую эпический богатырь открывает с легкостью. А также при описании эпического предмета употребление числительного *тобус сүүс* ‘девятьсот’ с существительным, используется в художественном примере гиперболлизации.

Таблица употребления числительных по семантическим группам

	В олонхо «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө»	В кубаир «Урал-батыр»	В кай черчек «Маадай-Кара»
1. Природный мир	3, 7, 8	1, 3, 4, 5, 7, 70	2, 7, 9, 60, 70, 90
1) Небесная сфера	3, 4, 9	4, 7	3, 4, 9
2) Земной пейзаж	7, 9	4	7, 9
3) Флора и фауна	2, 6, 8, 9, 70, 80, 90, 92	2, 3, 6, 7, 9, 11, 12	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 40, 50, 60, 70, 72, 90, 100
2. Обитатели Нижнего, Среднего, Верхнего миров.	1, 2, 3, 8, 9, 99	1, 2, 4	3, 60, 62, 70, 90
3. Эпическое время и пространство	3, 7, 8, 9, 10, 12, 13	1, 3, 4, 5, 10, 11, 12, 13	3, 4, 6, 7, 9, 60, 70, 90
4. Эпические объекты, мир вещей	1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 40, 900.	-	1, 2, 4, 6, 7, 10, 30, 40, 42, 60, 62, 68, 70, 89, 100

Заключение

Методом сравнительно-сопоставительного анализа мы рассмотрели всего 2645 числительных, из них: в **якутском эпосе** «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» зафиксировано всего 1380 числительных с определяемым словом, из них использовались: 1) количественные числительные – 1289; 2) порядковые (кэрискэ) – 17 раз: *иккис* ‘второй’ – 6 раз, *үһүс* ‘третий’ – 5 раз, *төрдүс* ‘четвертый’ – 3 раза, *бэһис* ‘пятый’ – 1 раз, *алтыс* ‘шестой’ – 1 раз, *сэттис* ‘седьмой’ – 1 раз; 3) приблизительные – 3 раза: *уонча* – 3 раза; 4) разделительные – 13 раз: *биирди* ‘по-одному’ – 3 раза, *иккили* ‘по два’ – 3 раза, *устүү* ‘по три’ – 3 раза, *тобустуу* ‘по девять’ – 3 раза, *биэстии сүүс* ‘по пятьсот’ – 1 раз; 5) дробные – 8 раз: *үс* ‘три’ – 3 раза, *биэс* ‘пять’ – 1 раз, *уон* ‘десять’ – 4 раза; 6) собирательные – 7 раза: *иккиэ* ‘двое’ – 4 раза, *үһүө* ‘трое’ – 3 раза; 7) числительные в роли прилагательного – 43 раз; в **башкирском эпосе** «Урал-батыр» зафиксировано всего 241 числительных с определяемым словом, из них использовались: 1) количественные – 220 раза; 2) порядковые – 6 раз; 3) разделительные – 1; 4) собирательные – 14; в **алтайском кай черчек** «Маадай-Кара» зафиксировано всего 979 числительных с определяемым словом, из них: 1) количественные числительные – 1024 раза; 2) порядковые – 9 раз; 3) приблизительные – 7 раз; 4) собирательные – 15 раз.

Наиболее частотными в **якутском олонхо** «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» являются числительные *икки* ‘два’ – частота употребления 13,2%, *үс* ‘три’ – 29,29%, *сэттэ* ‘семь’ – 12,68%, *абыс* ‘восемь’ – 8,39%, *тобус* ‘девять’ – 19,65%, в **башкирском кубаир** «Урал-батыр» числа *бер* ‘один’ – частота употребления 59,63%, *ике* ‘два’ – 10,55% и *дүрт* ‘четыре’ – 10,09%, в **алтайском кай черчек** «Маадай-Кара»: *jeti* ‘семь’ – 19,20%, *jeten* ‘семьдесят’ – 17,26%, *эки* ‘два’ – 15,83%.

В данных тюркских эпосах определяемые понятия сгруппированы по следующим лексико-тематическим группам: 1) природный мир; 2) обитатели Нижнего, Среднего, Верхнего миров; 3) эпическое время и пространство; 4) эпические объекты, мир вещей. Исходя из этих групп, методом сравнительно-сопоставительного анализа, сравним частоту и природу употребления числительных по следующим тематическим группам.

Так, по объему эпического текста плотность применения числительных по тематическим группам в якутском эпосе выше, чем в башкирском и алтайском эпосах.

1. *Природный мир.* Природный мир в тюркских эпосах мы разделили на две подгруппы, то есть, во-первых – небесная сфера, земной пейзаж и водная среда; во-вторых – флора и фауна.

Так, существительные, обозначающие небесную сферу, земной пейзаж и водную среду, в **якутском олонхо** «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» наиболее часто сочетаются с числительными *үс* ‘три’, *сэттэ* ‘семь’, *абыс* ‘восемь’, *тобус* ‘девять’; в **башкирском кубаир** «Урал-батыр» с числительными – *бер* ‘один’, *өс* ‘три’, *дүрт* ‘четыре’, *биш* ‘пять’, *ете* ‘семь’ и *ет-меш* ‘семьдесят’; в **алтайском кай черчек** «Маадай-Кара» – *эки* ‘два’, *јети* ‘семь’, *тогус* ‘девять’, *алтан* ‘шестьдесят’, *јетен* ‘семьдесят’ и *тогзон* ‘девяносто’.

При описании эпического неба в якутском и алтайском эпосах используются числительные три и девять, а в башкирском кубаир выражается иначе, а точнее используется числительное *ете* ‘семь’.

При описании Среднего мира в якутском и алтайском эпосах с существительными функционируют такие числительные как семь и девять, а в башкирском кубаир для обозначения сторон, углов или всего света используется числительное четыре.

При описании водной среды в башкирском и якутском эпосах используются с существительными числительное четыре, где это числительное в обоих эпосах обозначает множественность.

При описании мифического растения в якутском и алтайском эпосах использование числительных отличаются, а точнее в олонхо применяется числительное восемь, в кай черчек – три. В башкирском кубаир такое характерное явление не наблюдается.

При описании нереального количества эпического животного, в алтайском эпосе с лексемами, обозначающих фауну, чаще всего сочетают с числительным *јүс* ‘сто’, а в якутском олонхо с числом *тобус уон икки* ‘девяносто два’. В башкирском эпосе такое понятие множественности в отношении мифических животных использование числительных не наблюдается.

При описании множественности конечностей мифических животных в якутском, башкирском и алтайском эпосах использование числительных отличаются, т.е в алтайском эпосе фауна имеет множество голов, копыт, зубов, ушей и сопровождается это числительным четыре, а в башкирском кубаир в определении количества голов некоторых мифических существ используются числительные *тугуз* ‘девять’ и *ун ике* ‘двенадцать’. В якутском олонхо такое характерное явление не наблюдается.

2. *Обитатели Нижнего, Среднего, Верхнего миров.* В тюркских эпосах числительные активно используются для характеристики эпических персонажей Верхнего, Среднего и Нижнего миров. В наших трех эпосах чаще всего числительные взаимодействуют с существительными, обозначающих людей, то есть персонажей Среднего мира.

Так, в **якутском олонхо** «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» наиболее часто используются числительные *үс* ‘три’, *алта* ‘шесть’, *абыс* ‘восемь’ и *тобус* ‘девять’, в **башкирском кубаир** «Урал-батыр» – *бер* ‘один’, *ике* ‘два’, *өс* ‘три’, *дүрт* ‘четыре’, *биш* ‘пять’, *һигез* ‘восемь’ и *ун ике*, в **алтайском кай черчек** «Маадай-Кара» – *бир* ‘один’, *эки* ‘два’, *јүч* ‘три’, *төрт* ‘четыре’, *алты* ‘шесть’, *јети* ‘семь’, *он* ‘десять’, *алтан* ‘шестьдесят’, *алтан эки* ‘шестьдесят два’, *јетен* ‘семьдесят’, *тогзон* ‘девяносто’.

При описании мужского и женского пола мифических персонажей, в якутском олонхо используются числительные *абыс* ‘восемь’ и *тобус* ‘девять’. В башкирском и алтайском эпосах такие характерные черты, показывающие начало мужской и женской энергии не обнаруживаются.

При описании персонажей Нижнего и Среднего миров, в якутском и башкирском эпосах функционируют с существительными аналогичные числительные – один и два. А также в башкирском кубаир еще используется числительное *дүрт* «четыре». А в алтайском эпосе такое не наблюдается.

При описании богатырей Среднего мира, в алтайском эпосе лексема *баатыр* ‘богатырь’ сочетается с числительными шестьдесят, шестьдесят два, семьдесят и девяносто, а в якутском олонхо лексема *бухатыыр* ‘богатырь’ функционирует с числительным девяносто девять. Эти эпитеты не имеют реальное количество, а имеют понятие множественности. В башкирском эпосе такое не наблюдается.

При описании персонажей Верхнего мира, божеств и их слуг, а также различных мифических существ, в якутском и алтайском эпосах в основном используют традиционное числительное три. А в башкирском кубаир нами не были обнаружены лексемы, функционирующие с числительными, которые обозначают отдельных персонажей Верхнего мира.

3. *Эпическое время и пространство.* Следующей областью, где в тюркских эпосах при описании применяются числительные, является эпическое время и пространство.

Для характеристики эпического времени и пространства в **якутском олонхо** «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» часто используются числительные *үс* ‘три’, *сэттэ* ‘семь’, *абыс* восемь, *тобус* ‘девять’, *уон* ‘десять’, дробная десятка, *уон икки* ‘двенадцать’ и *уон үс* ‘тринадцать’; в **башкирском кубаир** «Урал-батыр» числа *бер* ‘один’, *өс* ‘три’, *дүрт* ‘четыре’, *биш* ‘пять’, *ун* ‘десять’, *ун бер* ‘одиннадцать’, *ун ике* ‘двенадцать’ и *йөз* ‘сто’; в **алтайском кай черчек** «Маадай-Кара» – *үч* ‘три’, *төрт* ‘четыре’, *алты* ‘шесть’, *jeti* ‘семь’, *тогус* ‘девять’, *алтан* ‘шестьдесят’, *jeten* ‘семьдесят’, *тогузон* ‘девяносто’. В трех тюркских эпосах при описании эпического времени и пространства аналогично используется лишь числительное три, а остальные выборочно совпадают друг с другом.

При характеристике эпического времени в якутском и башкирском эпосах отчетливо прослеживается заметное тяготение к числительному три, а в алтайском эпосе к числительным девять и девяносто.

При описании эпического пространства в алтайском кай черчек, чтобы показать обширность и безграничность земли Алтая, используется числительное семь, а в башкирском эпосе – четыре. А вот в якутском олонхо числительное три.

4. *Эпические объекты, мир вещей.* В тюркских эпосах, в этой подгруппе, числительные часто используются для того, чтобы показать масштабность и простор эпического жилища.

В **якутском олонхо** с существительными, обозначающими эпические объекты и мир вещей, употребляются такие числительные, как: *икки* ‘два’, *үс* ‘три’, *түөрт* ‘четыре’, *сэттэ* ‘семь’, *тобус* ‘девять’, *түөрт уон* ‘сорок’, *тобус сүүс* ‘девятьсот’ и не редко – *биш* ‘один’, *алта* ‘шесть’; в **алтайском кай черчек** используются числительные – *бир* ‘один’, *эки* ‘два’, *төрт* ‘четыре’, *алты* ‘шесть’, *jeti* ‘семь’, *он* ‘десять’, *одус* ‘тридцать’, *төртөн* ‘сорок’, *төртөн эки* ‘сорок два’, *алтан* ‘шестьдесят’, *алтан эки* ‘шестьдесят два’, *алтан сегиз* ‘шестьдесят восемь’, *jeten* ‘семьдесят’, *сегизен тогус* ‘восемьдесят девять’, *jүс* ‘сто’. А в башкирском кубаир нами не были обнаружены числительные, функционирующие с лексемами, обозначающих эпические объекты и мир вещей.

При описании эпического жилища в якутском и алтайском эпосах используются лишь десятичные числа.

В якутском олонхо кроме числительного *түөрт уон* ‘сорок’, удесятеренные варианты эпических числительных не наблюдаются.

В алтайском кай черчек при характеристике одежды эпического персонажа, количество пуговиц обычно описывают лишь числительными второго порядка.

При изображении деталей эпического жилища в якутском олонхо используются лишь числительные первого порядка.

В результате структурно-семантического анализа числительных, выявили такие совпадения: при описании природного мира в трех тюркских эпосах используются числительные три, четыре, семь и девять; в лексемах, обозначающих флору и фауну – числительные

два, шесть, девять; при описании эпического времени и пространства в якутском, алтайском и башкирском эпосах используется традиционное числительное три; в алтайском кай черчек в основном употребляются числительные второго порядка, а в якутском олонхо и башкирском кубаир – первого. Якутский и алтайский эпосы, в отличие от башкирского, находятся в наиболее близкой друг другу, по употреблению числительных, позиции, т.е. в основном используются аналогичные числительные. В трех тюркских эпосах числительные сочетаются с существительными в основном на основе совпадения аллитерационно-ассонансного созвучия слов, при выражении понятия эпической множественности, а также исходя из понятий культурных традиций и взглядов на жизнь народа.

Таким образом, так как якутский, башкирский и алтайский языки являются родственными тюркскими языками, употребление и сакральное значение числительных в эпосах в большинстве случаев схожи. Отличия же обнаруживаются в плане употребления числительных второго порядка, а также при описании природного и животного миров из-за географических положений.

Литература

1. Радлов, В.В. Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Südsibirien (Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи), тексты и немецкий перевод / В.В. Радлов. – СПб, 1866–1896, 7 т
2. Худяков, И. А. Верхоянский сборник // Записки Вост.-Сиб. отд. Русского Географического общества по этнографии. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890. Т. 1. Вып. 3.
3. Зайнуллин, М. В. Средства выражения эмоциональности и экспрессивности в башкирских сказках / М.В. Зайнуллин / Фольклор народов РСФСР: межвузовский сборник. Уфа: Башкирский государственный университет им. 40-летия Октября. – 1976. – С. 45-49.
4. Зайнуллин, М. В. Употребление временных и модальных форм глагола в языке башкирских сказок / М.В. Зайнуллин / Фольклор народов РСФСР: межвузовский сборник. – Уфа: Башкирский государственный университет им. 40-летия Октября, 1974. – С. 92-97.
5. Саньяров, Ф. Б. «Урал батыр»: лингвистик тикшерүе тәҗрибәһе / Ф.Б. Саньяров. – Уфа: БДУ, 2006. – 175 с.
6. Галяутдинов, И. Г. Два века башкирского литературного языка / И.Г. Галяутдинов. – Уфа, 2000. – 448 с.
7. Шакурова, Ш.Р. Текстология башкирского эпоса «Урал-Батыр»: Проблема базового науч. текста: дис. канд. филол. н. / Ш.Р. Шакурова. – М., 1998. – 247 с.
8. Бухарова, Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ / Г.Х. Бухарова. – Уфа, 2009. – 468 с.
9. Кульсарина, Г. Г., Салимова, Л. М. Изучение языковой картины мира в школе: опыт сопоставительного и лингво-культурологического описания (на материале башкирских и русских текстов) / Г.Г. Кульсарина, Л.М. Салимова. – Уфа: НМИЦ «Педкнига», 2012. – 158 с.
10. Хисамутдинова, Р.М. Особенности языка и стиля башкирских народных песен: лингвокультурологический аспект: дис. канд. филол. н. / Р.М. Хисамутдинова. – Уфа, 2017. – 173 с.
11. Муратова, Р.Т. Символика чисел в башкирском языке: дис. канд. филол. н. / Р.Т. Муратова – М., 2009. – 197 с.
12. Кульсарина, Г.Г. Язык и стиль башкирских народных сказок: дис. канд. филол. н. / Г.Г. Кульсарина. – Уфа, 2004. – 165 с.
13. Ибрагимова, Г.Д. Отношение башкирского языка к древнетюркским и старотюркским памятникам письменности : автореф. дисс. к. филол. н. / Г.Д. Ибрагимова. – Уфа, 2002. – 21 с.
14. Казагачаева, З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын»: Аспекты текстологии и перевода: дис. докт. филол. н. / З.С. Казагачаева. – Уфа, 2004. – 165 с.
15. Ойроткинова, Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: дис. докт. филол. н. / Н.Р. Ойроткинова. – Уфа, 2012. – 489 с.
16. Слепцов, П.А. Лингвофольклористика: проблемы и задачи (на материале якутского фольклора) / П.А. Слепцов // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. тр. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1991. – С. 95-102.

17. Слепцов, П.А. Язык олонхо: лексика и семантика / П.А. Слепцов // Якутский язык: лексикология, лексикография : сб. науч. тр. – Якутск: ЯНЦ СОО РАН, 1989. – С. 5-21
18. Слепцов, П.А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм / П.А. Слепцов. – Новосибирск : Наука, 1990. – 277 с.
19. Габышева, Л.Л. Семантические особенности слова в фольклорном тексте (на материале якутских олонхо) : автореф. дис. к. филол. н. / Л.Л. Габышева. – М., 1986. – 20 с.
20. Габышева, Л.Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти / Л.Л. Габышева. – Новосибирск : Наука, 2009. – 143 с.
21. Кудияров, А.В. Хронотоп и художественное пространство народного эпоса / А.В. Кудияров // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. тр. – Якутск, 1991. – С. 23-66
22. Аханиянова, Н. А. Поэтический синтаксис олонхо и характер эпической эпитетации / Н.А. Аханиянова // Фольклор и современная культура. – Якутск, 1991. – С. 120-139.
23. Роббек, Л.В. Функционально-семантические особенности языка олонхо: лексикографический аспект: дис. канд. филол. н. / Л.В. Роббек. – М., 2009. – 269 с.
24. Филиппова, Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: Структура и семантика: дис. канд. филол. н. / Н.И. Филиппова. – Якутск, 2000. – 160 с.
25. Попов, Г.В. К этимологии некоторых имён божеств якутской мифологии / Г.В. Попов // Фольклор и современная культура. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1991. – С. 60-65
26. Борисов, Ю.П. Ритмико-синтаксический параллелизм в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах: сравнительный аспект: дис. канд. филол. н. / Ю.П. Борисов. – Якутск : 2017. – 195 с.
27. Избекова, Е.И. Числительные в олонхо: структура и семантика : монография / Е.И. Избекова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 152 с.

References

1. Radlov, V.V. Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Südsibirien (Obrazcy narodnoj literatury tjurkskich plemen, zhivushih v Juzhnoj Sibiri i Dzhungarskoj stepi), teksty i nemeckij perevod / V.V. Radlov. – Spb, 1866–1896, 7 t
2. Hudjakov, I. A. Verhoyanskiĭ sbornik // Zapiski Vost.-Sib. otd. Russkogo Geograficheskogo obshchestva po jetnografii. Irkutsk: Tip. K. I. Vitkovskoi, 1890. T. 1. Vyp. 3.
3. Zaiñnullin, M. V. Sredstva vyrazheniya jemocional'nosti i jekspressivnosti v bashkirskih skazkah / M.V. Zaiñnullin / Fol'klor narodov RSFSR: mezhvuzovskii sbornik. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet im. 40-letija Oktjabrja. – 1976. – S. 45-49.
4. Zaiñnullin, M. V. Upotreblenie vremennyh i modal'nyh form glagola v jazyke bashkirskih skazok / M.V. Zaiñnullin / Fol'klor narodov RSFSR: mezhvuzovskii sbornik. – Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet im. 40-letija Oktjabrja, 1974. – S. 92-97.
5. San'jarov, F. B. «Ural batyr»: lingvistik tiksherey tazhribähe / F.B. San'jarov. – Ufa: BDU, 2006. – 175 s.
6. Galjautdinov, I. G. Dva veka bashkirskogo literaturnogo jazyka / I.G. Galjautdinov. – Ufa, 2000. – 448 s.
7. Shakurova, Sh.R. Tekstologija bashkirskogo jeposa «Ural-Batyr»: Problema bazovogo nauch. teksta: dis. kand. filol. n. / Sh.R. Shakurova. – M., 1998. – 247 s.
8. Buharova, G.H. Bashkirskii narodnyĭ jepos «Ural-batyr»: kognitivno-diskursivnyĭ i konceptual'nyĭ analiz / G.H. Buharova. – Ufa, 2009. – 468 s.
9. Kul'sarina, G. G., Salimova, L. M. Izuchenie jazykovoĭ kartiny mira v shkole: opyt sopostavitel'nogo i lingvo-kul'turologicheskogo opisanija (na materiale bashkirskih i russkikh tekstov) / G.G. Kul'sarina, L.M. Salimova. – Ufa: NMC «Pedkniga», 2012. – 158 s.
10. Hisamutdinova, R.M. Osobennosti jazyka i stilja bashkirskih narodnyh pesen: lingvokul'turologicheskij aspekt: dis. kand. filol. n. / R.M. Hisamutdinova. – Ufa, 2017. – 173 s.
11. Muratova, R.T. Simvlika chisel v bashkirskom jazyke: dis. kand. filol. n. / R.T. Muratova – M., 2009. – 197 s.
12. Kul'sarina, G.G. Jazyk i stil' bashkirskih narodnyh skazok: dis. kand. filol. n. / G.G. Kul'sarina. – Ufa, 2004. – 165 s.
13. Ibragimova, G.D. Otnoshenie bashkirskogo jazyka k drevnetjurkskim i starotjurkskim pamjatnikam pis'mennosti : avtoref. diss. k. filol. n. / G.D. Ibragimova. – Ufa, 2002. – 21 s.

14. Kazagachaeva, Z.S. Altajskie geroicheskie skazaniya «Ochi-Bala», «Kan-Altyn»: Aspekty tekstologii i perevoda: dis. dokt. filol. n. / Z.S. Kazagachaeva. – Ufa, 2004. – 165 s.
15. Ojnotkinova, N.R. Altajskie poslovicy i pogovorki: pojetika i pragmatika zhanrov: dis. dokt. filol. n. / N.R. Ojnotkinova. – Ufa, 2012. – 489 s.
16. Slepcev, P.A. Lingvofol'kloristika: problemy i zadachi (na materiale jakutskogo fol'klora) / P.A. Slepcev // Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka : sb. nauch. tr. – Jakutsk : JaNC SO RAN, 1991. – S. 95-102.
17. Slepcev, P.A. Jazyk olonho: leksika i semantika / P.A. Slepcev // Jakutskij jazyk: leksikologija, leksikografija : sb. nauch. tr. – Jakutsk: JaNC SOO RAN, 1989. – S. 5-21
18. Slepcev, P.A. Jakutskij literaturnyj jazyk: Formirovanie i razvitie obshhenacional'nyh norm / P.A. Slepcev. – Novosibirsk : Nauka, 1990. – 277 s.
19. Gabysheva, L.L. Semanticheskie osobennosti slova v fol'klornom tekste (na materiale jakutskih olonho) : avtoref. dis. k. filol. N. / L.L. Gabysheva. – M., 1986. – 20 s.
20. Gabysheva, L.L. Fol'klornyj tekst: semioticheskie mehanizmy ustnoj pamjati / L.L. Gabysheva. – Novosibirsk : Nauka, 2009. – 143 s.
21. Kudijarov, A.V. Hronotop i hudozhestvennoe prostranstvo narodnogo jeposa / A.V. Kudijarov // Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka : sb. nauch. tr. – Jakutsk, 1991. – S. 23-66
22. Ahanjanova, N. A. Pojeticheskij sintaksis olonho i harakter jepicheskoj jepitetacii / N.A. Ahanjanova // Fol'klor i sovremennaja kul'tura. – Jakutsk, 1991. – S. 120-139.
23. Robbek, L.V. Funkcional'no-semanticheskie osobennosti jazyka olonho: leksikograficheskij aspekt: dis. kand. filol. n. / L.V. Robbek. – M., 2009. – 269 s.
24. Filippova, N.I. Sobstvennye imena personazhej v jakutskom jepose olonho: Struktura i semantika: dis. kand. filol. n. / N.I. Filippova. – Jakutsk, 2000. – 160 s.
25. Popov, G.V. K jetimologii nekotoryh imjon bozhestv jakutskoj mifologii / G.V. Popov // Fol'klor i sovremennaja kul'tura. – Jakutsk : JaNC SO RAN, 1991. – S. 60-65
26. Borisov, Ju.P. Ritmiko-sintaksicheskij parallelizm v jakutskom olonho i tjurko-mongol'skih jeposah: sravnitel'nyj aspekt: dis. kand. filol. N. / Ju.P. Borisov. – Jakutsk : 2017. – 195 s.
27. Izbekova, E.I. Chislitel'nye v olonho: struktura i semantika : monografija / E.I. Izbekova. – Jakutsk : Izdatel'skij dom SVFU, 2014. – 152 s.

